

СИСТЕМНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. В. Щетилова

Инициативы по предотвращению макроэкономических дисбалансов государств — членов «Группы двадцати» (G20) положили начало процессу глобальной политической координации. Системность дисбалансов международными институтами определяется по системной значимости стран. В таком контексте анализируются не причины, а последствия воздействия дисбалансов. Цель статьи — выявление системных источников макроэкономических дисбалансов с применением постулатов общей теории систем. В рамках цели решены следующие задачи: предложена типология системных макроэкономических дисбалансов, проанализированы методы их оценки в мировой экономике, показатели сбалансированности экономического развития основных развитых стран, США, стран зоны евро, Украины. Для демпфирования дисбалансов предложены: функциональная и структурная адаптация, обеспечение выполнения закона Эшби, учет новой парадигмы общей теории систем в процессе управления развитием макроэкономических систем.

На встрече министров финансов и управляющих центральных банков государств — членов «Группы двадцати» (G-20) в феврале 2011 г. в г. Париже был предложен подход по оценке природы возникновения дисбалансов в мировой экономике и заключено соглашение о применении индикаторов с целью их оценивания [19]. Предшествовал этому саммит руководителей государств — членов G-20 в 2009 г. в г. Питтсбурге, на котором было подписано Рамочное соглашение о мерах по обеспечению уверенного устойчивого и сбалансированного роста. Согласно этому соглашению сбалансированность трактуется не только как равномерное распределение роста по экономикам всех государств, но и как отсутствие значительных и продолжительных дисбалансов и соответствие долгосрочным целям развития, в частности, поддержанию высокого уровня жизни населения во всех странах. Помимо внешних дисбалансов, связанных с движением через границы государств материальных и финансовых потоков, на саммите руководителей государств — членов «Группы двадцати» в ноябре 2010 г. в г. Сеуле на рассмотрение были вынесены внутренние дисбалансы, связанные с несоответствием доходов и расходов субъектов национальных экономик.

Европейской комиссией по экономическим и финансовым делам утверждена «Процедура по макроэкономическим дисбалансам» (MIP — *Macroeconomic Imbalance Procedure*) с целью их предотвращения и корректировки в Европейском союзе [22]. MIP предусматривает так называемую «аварийную систему» с применением специального набора индикаторов с целью более глубокого изучения стран и жестких правил в виде новой «Процедуры чрезмер-

ных дисбалансов» и принудительного их осуществления в форме финансовых санкций для государств — членов еврозоны, не выполняющих рекомендации.

14 февраля 2012 г. Европейской комиссией в Брюсселе был представлен «Отчет об аварийном механизме» (*Alert Mechanism Report — AMR*). AMR — MIP является новым инструментом усиленной структуры для экономического управления в ЕС. Это было принято как часть так называемого пакета управления «с шестью пакетами», которая предусматривает существенное усиление наблюдения за макроэкономической неустойчивостью. Мониторинг под эгидой MIP является частью «Европейского семестра», представляющего интегрированный и долгосрочный подход к проблемам экономической политики ЕС в обеспечении финансовой устойчивости, конкурентоспособности, стабильности финансового рынка и экономического роста [16].

В отчете Всемирного экономического форума (ВЭФ) о глобальных рисках в 2013 г. отмечается, что запущена новая система оценки стран в связи с тем, что национальная устойчивость является критически важным элементом борьбы с непредсказуемыми глобальными угрозами. Наиболее серьезными глобальными рисками определены значительное неравенство в доходах, хронические финансовые дисбалансы, экологические риски. О системном характере обозначенных рисков, дисбалансов предупредил редактор отчета и управляющий директор ВЭФ Ли Хауэлл: «Данные глобальные риски — это симптомы того, что с наиболее важными системами не все в порядке. Национальная устойчивость перед глобальными рисками должна стать приоритетом, так

чтобы критически важные системы продолжали функционировать, несмотря на серьезное бедствие» [5].

Предпринимая указанные меры по предотвращению макроэкономических дисбалансов, G20 положила начало кооперативному процессу глобальной политической координации. Если этот механизм заработает, процесс глобально институционализирует общую ответственность в управлении глобальной макроэкономикой [19]. Это свидетельствует о возрастающем значении проблемы идентификации, типологии системных дисбалансов в целях их своевременного выявления, формирования теоретико-методологических основ управления и коррекции макроэкономического развития, в т. ч. методами международной координации.

Анализ современных научно-практических работ по обозначенной проблеме свидетельствует о возрастающем интересе к таким важным вопросам макроэкономической политики, однако они еще не имеют системного характера, мощной теоретической и методологической основы, в большинстве своем носят вербально-эмпирический характер. Некоторые публикации содержат теоретические модели без эмпирического подтверждения с акцентом на определенные виды дисбалансов, причины их возникновения, в частности, аспекты самострахования (*self-insurance*) как причины накопления резервов, которые формируют дисбаланс сбережений-инвестиций [18, 23]. Исследуются глобальные дисбалансы в вопросах реформирования валютно-финансовой системы [12], экономические дисбалансы в контексте угроз экономической безопасности государства [4], осуществляются экспертно-аналитические мероприятия по оценке дисбалансов [8]. Однако исследований по проблеме с применением постулатов общей теории систем (ОТС) и выявлением системных причин возникновения различных типов дисбалансов в развитии макроэкономических систем (МЭС), в т. ч. промышленности, что является целью данной статьи, пока недостаточно.

Дисбалансы и ответы политики на системные вызовы

Экономические дисбалансы определяются как критические «виды диспропорций в структуре, тенденциях развития, интересах, отношениях, механизмах взаимодействия, качественных характеристиках экономической системы на разных ее иерархических уровнях» [4, с. 6]. Критерии идентификации дисбалансов при этом Е. Бородушко определяют через нару-

шение пропорций и равновесия в экономической системе, которое может быть как источником успешного развития, так и фактором регресса, разрушения системы. При всей трудности разграничения нарушения равновесия системы разделяются на два типа, имеющих позитивный и негативный векторы своих последствий. Предлагается использовать шесть классификационных признаков экономических дисбалансов: территориальный уровень; отраслевой уровень; характер отношений разбалансировки; возможность управления развитием ситуации; продолжительность состояния экономической разбалансированности; источники и механизмы возникновения экономических дисбалансов: закономерности саморазвития системы; ошибки в определении стратегии и программах экономического развития; влияние внеэкономических факторов.

Закономерность саморазвития, определенная Е. Бородушко, близка к закономерностям систем, постулируемым общей теорией систем и системным анализом¹. Однако в общей теории систем подобная идентифицирована как закономерность самоорганизации. Закономерности саморазвития системы автор определяет как источники и механизмы возникновения экономических дисбалансов, хотя закономерность самоорганизации как основная категория междисциплинарного синергетического подхода к исследованию систем связана с очень важными характеристиками экономических систем — негэнтропийностью и адаптивностью². Именно эти свойства явля-

¹ В общей теории систем и системном анализе различают закономерности систем: взаимодействия и целого (I); существования систем (II); функционирования и развития (III). К (I) группе относят закономерности: целостности (эмерджентности), включая способность систем к изменению структуры; аддитивности; прогрессирующей факторизации (стремление системы к большей независимости элементов); прогрессирующей систематизации (противоположная тенденция). Отдельно выделяют закономерность иерархической упорядоченности в I группе. Ко II группе относят эквивиальность и закономерность потенциальной эффективности. Закономерность историчности развития и функционирования систем (III группа) объясняет стохастичность развития и включает закономерность самоорганизации.

² Негэнтропийность — свойство систем, связанное со способностью противостоять хаотичным разрушительным тенденциям. Энтропия в общем является показателем неопределенности, беспорядка, разнообразия, хаоса, неравновесия в системе. Негэнтропия является мерой порядка, упорядоченности, внутренней структуры, связанной информации.

Адаптивность — приспособляемость к изменяющимся внешним и внутренним условиям. Адаптивные системы —

ются основополагающими для эффективного развития таких систем, противостояния их распаду и коррекции дисбалансов развития, а не их источником, как определено Е. Бородушко [4].

Трактовка внешних, связанных с движением через границы государств материальных и финансовых потоков, и внутренних дисбалансов, определяемых как несоответствие доходов и расходов субъектов национальных экономик, предложенная на саммите государств — членов «Группы двадцати» в ноябре 2010 г. в г. Сеуле, коррелирует с мнением экономического советника МВФ О. Бланшара. В частности, он считает, что дисбалансы бывают «хорошими» (приводятся примеры, которые отражают оптимальное распределение капитала во времени и пространстве) и «плохими» (отражают искажения, отрицательные экстерналии, а также риски на государственном и международном уровне). Ключевой причиной дисбалансов считаются внутренние и внешние искажения: «Есть насущная необходимость осуществить изменения в политике, чтобы обратиться к остающимся внутренним и внешним искажениям. Отказ сделать такое мог бы привести к мировой экономике, застревающей в „середине реки“, угрожая устойчивости восстановления» [17, с. 1].

В качестве примеров «хороших дисбалансов» приводятся, во-первых, «поведение сбережений»: имеет смысл для тех стран, население которых стареет быстрее, чем в странах — торговых партнерах. Сбережения и управление профицитом текущего счета происходят в ожидании расходов сверх доходов, имеющих место в случае сжатия трудовых ресурсов и увеличения числа пенсионеров. Во-вторых, динамика инвестиций: страна с возможностями привлекательных инвестиций может профинансировать часть инвестиций посредством иностранных сбережений и таким образом избежать дефицита текущего счета. В-третьих, «поведение портфеля»: страна, имеющая более ликвидные финансовые рынки, может привлечь инвесторов, производя валютную оценку и оценку дефицита текущего счета. Во всех этих случаях было бы неблагоприятно сокращать дисбалансы, так как они отражают оптимальное распределение капитала во времени и пространстве. Но дисбалансы могут быть и признаками базовых искажений и быть опасными.

«Плохие» дисбалансы трактуются как искажения, которые могут быть внутренними и системными. Список потенциальных примеров внутренних искажений также хорошо знаком: высокие частные сбережения, которые являются не всегда хорошим признаком. Они могут отражать нехватку социального страхования, вынуждающего людей участвовать в высокопредупредительных сбережениях, либо недостаточно устойчивое управление, которое позволяет неустойчивым фирмам сохранять и реинвестировать большинство их доходов. Наоборот, низкие частные сбережения, ведомые «управляемым пузырем», бумом активов или чрезмерно «розовыми» ожиданиями относительно будущего роста, могут быть плохим фактором. Общественные заимствования часто слишком высоки, в связи с политическими факторами, такими, как недостаточная защита прав собственности или нехватка конкуренции в финансовой системе, которые могут привести к чрезмерно низким инвестициям. Во всех этих случаях цель политики должна быть не в сокращении имеющихся дисбалансов текущих счетов по существу, а в сокращении лежащих в основе искажений. Это будет сокращать дисбалансы, но важнее отслеживать и предотвращать системные искажения.

Многие развивающиеся экономические системы, особенно после азиатского кризиса, обладали большим профицитом текущих счетов и существенными золотовалютными резервами, в основном в долларах США, отражая роль доллара в международных сделках и ликвидность американского рынка облигаций. Одной из причин этой стратегии была уверенность в экспорте ориентированном росте. В таком случае стратегия политики, полагающаяся на недооцененный валютный курс вместе с мерами сжатия внутреннего спроса и таким образом предотвращающая «перегревание» экономики и реальную оценку посредством учета инфляции, может быть разумной стратегией роста с позиции страны с чрезмерно высокой внешней задолженностью. Проблема может стать системной, если несколько стран представляют собой существенную фракцию мировой торговли, принимающей стратегии, упреждающие «перегрев» экономики [17, с. 4].

Другой причиной накопления резервов может быть самострахование (*self-insurance*), объясняющееся спросом развивающегося рынка на активы развитых экономик для обеспечения ликвидности и страховых целей. Это может быть рациональным на уровне отдельной страны, а глобально неэффективно

настраивающиеся системы, поскольку имеют возможность обучаться и накапливать опыт.

относительно таких альтернативных мер, как учреждение кредитных линий, соглашений по объединению резервов, линий свопа или других форм страхования. До той степени, в которой дисбалансы отражают такие системные искажения, ответ политики должен быть в сокращении этих искажений на системном уровне. В первом случае проблема может быть решена через некий международный механизм для ограничения недооценки валютного курса. Во втором случае ответ политики должен заключаться в улучшении глобального предоставления ликвидности и обеспечения стимулов для стран в целях уменьшения самострахования и резервных накоплений [17, с. 7].

Предоставление дополнительной ликвидности со стороны центральных банков, либерализация валютной политики в числе краткосрочных мер по поддержанию национальных банковских систем в работоспособном состоянии были приняты Каннским планом действий по результатам саммита руководителей государств — членов «Группы двадцати» 3-4 ноября 2011 г. Была принята инициатива МВФ о создании превентивной линии для предоставления ликвидности (*Precautionary and Liquidity Line*), призванной обеспечить предоставление на индивидуальной основе краткосрочной ликвидности странам с «обоснованной политикой и стабильными основными экономическими показателями», сталкивающимся с внешними, в том числе системными, потрясениями [8, с. 143].

Особое значение в негативном влиянии «плохих» дисбалансов имеют внутренние и системные риски, отрицательные экстерналии. Например, реальные оценки, приводящие к увеличению движения капитала, могут вытеснить обрабатывающее производство и привести к явлениям типа голландской болезни, особенно в части присутствия экстерналий, которые делают изменения к переменам в обрабатывающем производстве очень дорогостоящими [17, с. 5]. Системные риски образуются в больших странах с ликвидными потоками капитала с экстернальными дисбалансами, в результате которых неустойчивость может привести к системным проблемам, а именно к так называемому риску «расторжных корректировок»¹. В присутствии таких системных ри-

сков, по мнению О. Бланшара [17], лучший ответ политики неочевиден. Может быть, только заботясь о других искажениях, например, подвергая внутренних заемщиков ограничениям в иностранной валюте, сократится размер проблемы и сбой от корректировки валютного курса, что сделает проблему менее важной. С другой стороны, пост-вмешательство позволит учесть более аккуратную корректировку (например, в форме обширного предоставления ликвидности), что может быть лучшим ответом политики на системные вызовы.

Общая теория систем и методы оценки как инструменты политики устранения дисбалансов

Термин «системный» в названии проблемы предполагает использование не частных валютно-финансовых, экономических, управленческих аспектов, описанных выше, а основных постулатов общей теории систем (ОТС), синергетики и, соответственно, системного междисциплинарного подхода к исследованию анализируемых процессов и явлений как основного.

Но прежде следует определиться с рабочей дефиницией категории «дисбаланс», а затем с учетом основополагающих элементов и положений ОТС предложить типологию системных дисбалансов применительно к объекту исследования — макроэкономическим системам (промышленности) и процессам их развития. *Imbalance* в переводе с английского означает: 1) отсутствие равновесия, неустойчивость, 2) — несоответствие; *disbalance* — нарушение равновесия, дисбаланс. С точки зрения статики это близкие состояния объектов, но *imbalance* (неустойчивость) воспринимается как крайнее состояние *disbalance* (дисбаланса). В международных научных источниках чаще встречается категория *imbalance*. Категория «баланс» (*balance*) противоположна по значению и означает «вес, равновесие» (итал., франц.), «с двух чаш» (лат.)

Если под балансом понимается равновесие между противоположными или взаимодей-

ных позициях центральных банков. Однако большее значение имеют не чистые, а внешние позиции брутто (см. Krugman P. Will There Be a Dollar Crisis? // *Economic Policy*. 2007. Vol. 22 (July). No 51. P. 435 — 467). Действительно, международные эффекты финансового кризиса были первоначально переданы через крупные авуары корпоративных ценных бумаг США с помощью европейских банков, а не через «чистые» авуары американских ценных бумаг посредством развивающихся рынков. И быстрые изменения в спросе инвестора произойдут, вероятно, когда центральные банки, а не частные инвесторы будут удерживать долларовые активы.

¹ Показательный пример — Соединенные Штаты Америки. Риск снижения спроса инвестора на американские активы был часто рассматриваемым вопросом перед кризисом 2008–2009 гг., определяемый как один из главных рисков мировой экономики. Акцент в этой дискуссии часто делался на позициях чистых активов и на больших резерв-

ствующими элементами, равенство сил или состояние, когда все составляющие взаимно отрегулированы, то есть все основания для отождествления терминов «баланс» и «равновесие». Подобным образом можно поставить знак равенства между «дисбалансом» и «неравновесием». Дисбаланс можно рассматривать не только как состояние объекта, но и с позиций его функционирования и развития как процесс (соответственно — разбалансирование), в этом случае такая категория формируется одновременно и с позиций динамики.

В статье будет использоваться следующая рабочая дефиниция: дисбаланс — это неравновесное состояние объекта или нарушение равновесия и определенных соотношений параметров, которые характеризуют объект как целостность и процессы изменений в его функционировании и развитии. Причем целостность, учитывая закономерности систем, постулируемые ОТС и системным анализом (см. ссылку 2), определяется не только структурой системы, а и прогрессирующей систематизацией, интегративной закономерностью (более глубокой по факторам, чем закономерность целостности, обуславливающей неоднозначность использования понятий «система», «подсистема», «цель», «средство»), неэнтропийными свойствами экономических систем, эквифинальностью, объясняющей предельность возможностей систем. Предельная осуществимость систем обусловлена законом «необходимого разнообразия» У.Р. Эшби. Относительно систем управления, в т. ч. в экономических системах, он формулируется следующим образом: разнообразие управляющей системы должно быть больше (или, по крайней мере, равняться) разнообразию управляемого процесса или объекта. Согласно этому закону система должна обладать возможностью изменять свое состояние в ответ на возможное возмущение. Разнообразие возмущений требует соответствующего ему разнообразия возможных состояний. Отсутствие или недостаточность разнообразия могут свидетельствовать о нарушении целостности подсистем, составляющих данную систему, и не способствуют выполнению задач управления, выдвигаемых внешней средой. Очевидно, что рост разнообразия элементов системы как целых может приводить как к повышению ее устойчивости (за счет формирования обилия межэлементных связей и обуславливаемых ими компенсаторных эффектов), так и к ее снижению (связи могут и не носить межэлементного характера в случае отсутствия совместимости). Рост разнообразия

общественных систем охватывает все элементы как управляющей подсистемы, так и управляемой.

Следует отметить, что в сравнении с международным определением дисбаланса нет противоречий относительно предложенного тождества «дисбаланс — неравновесие». Об этом свидетельствуют методы оценки природы возникновения значительных дисбалансов в мировой экономике, предложенные на встрече представителей государств — членов «Группы двадцати» в 2011 г. Один из них предполагает расчет нормативных («равновесных») показателей, определяемых индивидуально для каждой из стран с применением экономических моделей. Основой послужила двухступенчатая оценка природы возникновения значительных дисбалансов в мировой экономике, принятая на саммите 2011 г. Первый этап оценки предполагает выявление «проблемных» стран с крупными системными дисбалансами. Методика позволяет устанавливать предельные значения и диапазоны показателей, позволяющих проводить отбор таких стран. Затем определяются отклонения фактических показателей по каждой стране (группе стран) от «равновесного» среднего значения. Такие статистические подходы основаны на национальных исторических трендах, на исторических показателях государств — членов G20 и сопоставлении национальных дисбалансов с группами аналогичных стран, дисбалансов конкретного государства с соответствующими данными по странам — членам «Группы двадцати» [21]. Для измерения экономических дисбалансов, потенциальных рисков глобальной экономики «Большая двадцатка» согласовала ряд «индикативных директив». Согласно директиве все члены G20 будут проводить мониторинг по новой системе измерения. Те страны-члены, которые насчитывают более чем 5 % продукции экономики G20, будут подвергаться более глубокому двустадийному анализу дисбалансов (США, Китай, Япония, Германия и Франция). Это «будет отображать больший потенциал *spillover* — эффектов больших экономик». В качестве критерия для отбора стран рабочей группой было предложено следующее правило: страна проходит во второй этап оценки, если имеет значительные дисбалансы, по крайней мере в двух из трех рассматриваемых секторов (государственные финансы, частный сектор, внешние расчеты).

Следует отметить, что процесс взаимной оценки (MAP — *Mutual Assessment Process*) — один из ключевых моментов в выполне-

нии Рамочного соглашения по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного роста — был принят ранее: на саммите руководителей государств — членов «Группы двадцати» в 2009 г. в г. Питтсбурге. Цель такого процесса — формирование инструментов реализации экономической политики в рамках целей функционирования мировой экономики, осуществление оценок взаимной согласованности национальных стратегий и общих целей развития. МАР был расширен на саммите руководителей государств — членов «Группы двадцати» в ноябре 2010 г. в г. Сеуле, где была поставлена задача выявлять коренные причины продолжительных дисбалансов и определять их природу. С этой целью были предложены индикативные критерии при технической поддержке МВФ и других международных организаций.

На саммите G-20 в Париже в 2011 г. достигнут консенсус относительно ряда показателей с целью выявления устойчивых дисбалансов, в состав которых вошли: государственный долг и дефицит государственного бюджета; склонность к сбережению населения и организаций, а также уровень долга населения и организаций; торговые дисбалансы и дисбалансы в международных потоках капитала.

В таблице представлены данные по сальдо бюджета и долгу сектора государственного управления в развитых странах. Пиковым в росте заимствований этих стран был кризисный 2009 г., по прогнозным данным МВФ до 2017 г. можно ожидать снижения этого показателя до 3,6 % ВВП, динамика отрицательного структурного сальдо имеет тенденцию снижения с 2011 г. с -5,9 % ВВП до прогнозируемого -3,4 % в 2017 г.¹ Такую тенденцию можно было бы считать положительной, если бы не отрицательные значения отклонения фактического объема производства от потенциального, что свидетельствует о неполном использовании производственных мощностей и резервов в целях предотвращения спада производства в развитых странах. Хотя динамика — в целом положительная: с -3,8 % в 2007 г. до прогно-

зируемого значения — 0,1 % в 2017 г. Подобная динамика структурного сальдо наблюдается и в США, однако в 2017 г. ожидаемое снижение сальдо произойдет за счет уменьшения заимствований, а не разрыва между фактическим и потенциальным объемами производства (в 2017 г. можно ожидать нулевого сальдо). В странах зоны евро дефицит структурного сальдо постепенно снижается, отклонение фактического объема производства от потенциального возрастает, что свидетельствует о падении объемов производства. И только к 2017 г. можно ожидать снижения такого показателя до -0,3 % ВВП, который только приблизится к нулевому среднему значению сальдо 1996–2005 гг.

Несмотря на необходимость соблюдения маастрихтских критериев, для стран зоны евро динамика валового долга сектора государственного управления неудовлетворительная: только в 2006–2007 гг. его объем был близок к 60 % ВВП (68,6 % и 66,4 % соответственно), а с 2008 г. — возрос, достигнув в 2011 г. 88,1 %. В 2017 г. можно ожидать снижения валового долга европейских стран на 3,1 % по сравнению с 2012 г. Подобная динамика валового долга относительно ВВП наблюдается и в США, однако в 2011 г. этот показатель превысил 100-процентный барьер — 102,9 % и до 2017 г. возрастет до 113 %. Если в зоне евро до 2017 г. прогнозируется снижение отношения валового долга к ВВП, то этот показатель во многих странах с развитой экономикой, особенно в странах «Группы семи», повысится до 130 %. Без дополнительных мер ожидаемые коэффициенты задолженности достигнут крайне высоких значений, в частности, 256 % в Японии, 124 % в Италии. Во многих странах с формирующимся рынком и развивающихся, наоборот, отношение долга к ВВП снизится, общий коэффициент по этой группе опустится ниже 30 % к 2017 г.

Валовой внешний долг Украины (по данным Национального банка Украины) стремительно возрастает: с 54,5 млн долл. США в 2006 г. его объем увеличился до 135,1 млн долл. в 2012 г., и на 1.01.2014 г. составил 142,1 млн долл. (без АРК). Государственный долг в процентах к ВВП увеличивается: с 12,1 % в 2006 г. до 28,3 % в 2012 г., в сумме с гарантированным государственным долгом — с 14,8 % до 36,6 % соответственно. При отсутствии данных по структурному сальдо следует отметить негативную динамику объемов промышленного производства Украины: в частности, индекс промышленной продукции уменьшился со 111,2 % в 2010 г. до 95,7 % в 2013 г.

¹ Структурное сальдо — важный макроэкономический показатель, так как методология его расчета предполагает учет эффектов отклонения циклического объема производства от потенциального, скорректированного на такие факторы, как эффекты структуры объема производства, цены на активы и биржевые товары, влияние колебаний процентных ставок и другие нециклические колебания чистого кредитования (заимствования) (см.: World economic outlook: a survey by the staff of the International Monetary Fund. — Washington, DC: International Monetary Fund, April 2012. P. 198).

Основные страны с развитой экономикой: сальдо бюджета и долг сектора государственного управления (в процентах ВВП, если не указано иное)

Показатель	Среднее									Прогнозы
	1996–2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2017
Основные страны с развитой экономикой										
Чистое кредитование/заимствование	...	-2,2	-2,0	-4,5	-10,0	-8,7	-7,7	-6,8	-5,5	-3,6
Отклонение фактического объема производства от потенциала ²	0,4	0,8	0,8	-1,0	-5,9	-4,0	-3,8	-3,7	-3,2	-0,1
Структурное сальдо ²	...	-2,6	-2,5	-3,9	-6,2	-6,5	-5,9	-5,0	-4,0	-3,4
Соединенные Штаты										
Чистое кредитование/заимствование	...	-2,0	-2,7	-6,7	-13,0	-10,5	-9,6	-8,1	-6,3	-4,4
Отклонение фактического объема производства от потенциала ²	1,0	0,9	0,1	-2,2	-7,0	-5,1	-5,1	-4,9	-4,4	0,0
Структурное сальдо ²	...	-2,4	-2,8	-5,0	-7,5	-7,8	-7,2	-5,9	-4,4	-4,3
Чистый долг	43,4	48,5	48,2	53,7	65,9	73,1	80,3	83,7	86,7	88,4
Валовой долг	62,7	66,6	67,2	76,1	89,9	98,5	102,9	106,6	110,2	113,0
Зона евро										
Чистое кредитование/заимствование	-2,4	-1,3	-0,7	-2,1	-6,4	-6,2	-4,1	-3,2	-2,7	-1,1
Отклонение фактического объема производства от потенциала ²	0,0	1,4	2,7	1,6	-3,5	-2,4	-1,4	-2,3	-2,2	-0,3
Структурное сальдо ²	-2,5	-2,4	-2,3	-2,9	-4,4	-4,2	-3,2	-1,8	-1,3	-0,9
Чистый долг	55,3	54,3	52,0	54,0	62,2	65,8	68,4	70,3	71,5	69,5
Валовой долг	70,6	68,6	66,4	70,2	79,9	85,7	88,1	90,0	91,0	86,9

Примечание. Составные показатели по страновым группам применительно к налогово-бюджетным данным рассчитаны как сумма значений в долларах США по соответствующим отдельным странам.

¹ Данные о долге относятся к концу периода. Данные о долге не всегда сопоставимы по странам.

² В процентах потенциального ВВП.

Источник: World economic outlook: a survey by the staff of the International Monetary Fund. — Washington, DC: International Monetary Fund, April 2012. P. 219.

Дисбалансы, идентифицируемые в международных соглашениях, в основном носят финансовый характер, хотя не отрицается и иная природа их возникновения. В частности, под дисбалансами понимаются ненулевые сальдо торгового баланса, счета операций с капиталом и счета текущих операций.

Системные дисбалансы Рамочным соглашением саммита руководителей государств — членов G-20 2009 г. определялись по несколько другим критериям: они интерпретировались как суммарные дисбалансы «системно значимых стран» (уровень ВВП которых превышает 5 % от совокупного ВВП государств — членов «Группы двадцати»), точнее, как их суммарное

воздействие на сбалансированность мировой экономики [21]. В таком контексте анализируются не причины, а следствия влияния феномена «дисбалансы». Подобно и Бланшар, Милеси-Феретти [17] определяют системность искажений, являющихся основной причиной системных дисбалансов.

Согласно основным постулатам общей теории систем целевыми свойствами и базовыми характеристиками систем являются структура, функция, развитие. Фундаментальными для ОТС Л. Бераланфи (ее основоположника) считал понятие иерархического порядка, который проявляется как в структурах (порядке частей), так и в функциях (порядке процессов) [3, с. 49].

Р. Жерар (один из основоположников ОТС с организмических позиций) рассматривал три взаимосвязанных аспекта систем: структуру, функцию и историю [20]. Под структурой системы понималась совокупность отношений между ее частями, функцией (функционированием системы) — совокупность реакций на условия внешней и внутренней среды, историей — необратимые изменения. Структура, функция и история, то есть существование, действие и становление являются характеристиками всех систем. Принцип циклической взаимозависимости как один из принципов системного подхода означает, что структура системы — один из определяющих факторов для функционирования большей системы, в которую входит определенная система.

Функциональными свойствами макроэкономической системы, в т. ч. промышленности, коррелирующими с принципами системного подхода, автором определены: целостность; гомеостатичность; устойчивость (можно поставить в соответствие системный принцип — циклической взаимозависимости функции, структуры и истории); функциональная управляемость и адаптивность (свойства системы) [14]. Категории структуры и функции в исследовании систем — одни из самых важных, так как их определение связано с установлением связей, отношений как между составными элементами системы, так и между последними и внешней средой. Функции системы в целом не может выполнить ни один из ее элементов.

В теории хозяйственных систем И. М. Сыроежина выделены не только системообразующие свойства, которые обеспечивают целостность системы, но и целеустремленность как свойство каждого элемента, способность изменения внутренней структуры как адаптивное свойство системы на изменения условий внешней среды [15]. Р. Акофф и Ф. Эмери рассматривают функциональные и целеустремленные системы [1]. Функция, как и структура, по мнению этих ученых, — это родовые понятия. Однако их функциональное представление о системах коррелирует с механистической концепцией устройства мира. Под функциональными системами, которые принадлежат к функциональному классу, понимаются те, которые являются потенциальными или действительными продуцентами элементов определенного класса. Целеустремленные системы могут продуцировать: функциональные результаты одного типа структурно разными способами в структурно одинаковом окружении; функционально разные результаты в одинаковом

окружении или в структурно разных окружениях [1, с. 40].

Непредвиденность поведения сложной макроэкономической системы в конкретных условиях (благодаря наличию активного элемента в системе проявляется как бы «свобода воли»), в то же время наличие у нее предельных возможностей определяется имеющимися ресурсами и структурными связями. Любая система вследствие циклического взаимодействия структуры, функции и истории является подсистемой системы высшего уровня, поэтому объективно взаимодействует как с другими системами, так и с внешней средой.

В соответствии с новой парадигмой общей теории систем [13] сложность системы определяется новыми свойствами. Одно из них — операциональная замкнутость: выход системы определяется внутренним состоянием и не является реакцией на входной стимул, в результате которого запускается цепь структурных рекурсивных изменений, что создает невозможность локализации системы по входу и выходу. Самореферентность вследствие структурной гибкости системы означает не «схватывание» или игнорирование внешней среды, а поиск внутренних референтов, спецификацию реальности, в отличие от классической иррефлексивности [10]. В современных исследованиях от клеточного до экологического уровня все чаще встречается такое свойство систем, как непредикативность (присутствие в определении того, что определяется), в отличие от классической предикативности. Особой характеристикой современного общества выступает контингентность — неоднозначность реального мира, неопределенность общественных процессов, обусловленная их самообращенностью, рефлексивностью и самореферентностью. Все это накладывает определенные условия и на процесс управления развитием макроэкономических систем, а выявление системных источников возникновения макроэкономических дисбалансов на основе ОТС может быть серьезным инструментом в устранении дисбалансов.

Типология системных макроэкономических дисбалансов

Исходя из приведенных постулатов общей теории систем, выявленной взаимосвязи различных системных дисбалансов с целевыми свойствами макроэкономических систем, отраженной на рисунке, можно выделить основные типы системных дисбалансов:

- 1) структурные;
- 2) функциональные;

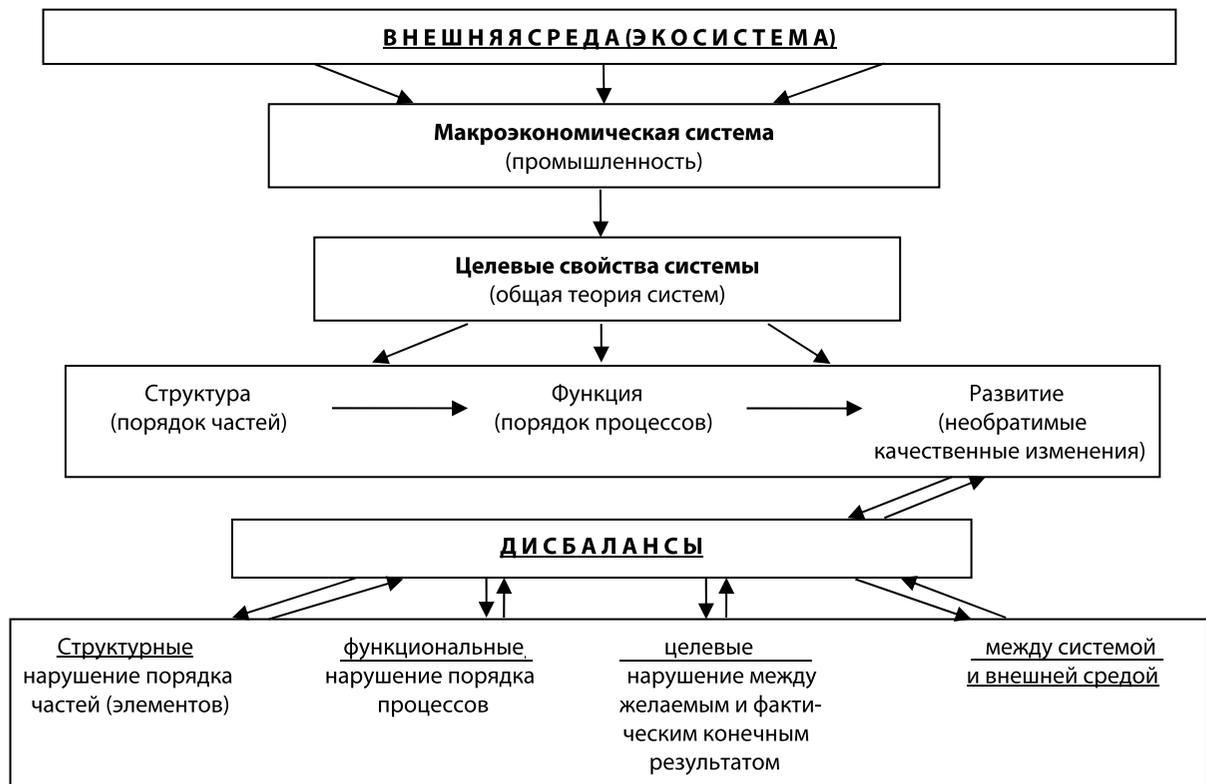

Рис. Взаимосвязь типов системных дисбалансов с целевыми свойствами макроэкономических систем (источник: разработано автором)

3) целевые;

4) дисбаланс между системой и внешней средой (мегасистемой или совокупностью внешних подсистем).

Теперь о каждом из них подробнее.

1. Структурные дисбалансы. Системные элементы формируют: вход, процесс, выход, обратную связь, ограничение. Экономические системы относят к искусственным системам, поскольку их элементы становятся выходами осознанной деятельности людей. Их обязательными атрибутами являются: основной процесс, ограничение и обратная связь¹.

Поэтому структурные дисбалансы в промышленности как макроэкономической системе можно рассматривать, во-первых, с позиций общепринятой классификации (отраслевой, межотраслевой, по видам экономической деятельности), в частности, как дисбаланс между энерго-, ресурсоемкими отраслями и имеющими инновационно-инвестиционную

и социальную направленность. Во-вторых, структурные дисбалансы в промышленности можно рассматривать с позиций несбалансированности между основным процессом (добычей, изготовлением, переработкой материальных продуктов, то есть циклом производства), ограничениями (производственные мощности предприятий, различные виды ресурсов) и обратными связями (организация воспроизводственного процесса, системы управления, влияние развития политического цикла).

2. Функциональные дисбалансы.

Системные дисбалансы можно идентифицировать, исходя непосредственно из функций систем, являющихся по сути диалектическими: обеспечение целостности — адаптивность к изменениям во внутренней и внешней среде, поддержание гомеостатичности — адаптивность, адаптивность — функциональная управляемость, устойчивость — способность к развитию. Источником таких функций системы являются противоречия. Исходя из того, что противоречия (внутренние и внешние, между функцией и целью системы, стремлением к порядку и хаосу, процессами функционирования и развития и др.) вносят возмущения в равновесное состояние любых систем, это — всегда так называемая «конфликтная» категория. Тем не менее они выступают источником развития.

¹ Обратная связь может быть положительной или отрицательной. Отрицательная связь противодействует тенденциям изменения исходного параметра, то есть направлена на сохранение, стабилизацию необходимых значений параметров. Положительная — сохраняет тенденции изменений в процессе развития, происходящих в системе, относительно исходного параметра (характерна для развивающихся систем).

3. Целевые дисбалансы.

Исходя из разделения целей по правовой категоризации на функциональные и предметные, не всегда принимаются решения относительно реализации экономической политики через наиболее эффективную предметную конкретизацию функциональных целей. Поэтому имеет место дисбаланс между функциональными и предметными целями.

С позиций системного анализа большое значение имеют особенности иерархической закономерности систем: уровни иерархии имеют сложные взаимоотношения не только с системой и ее окружением, но и с уровнями иерархии самой системы. Сложность состоит в том, что один и тот же уровень иерархии по отношению к высшему является зависимым элементом, а по отношению к низшему — независимым целостным элементом. Такой вид несбалансированности можно идентифицировать как дисбаланс целей разных иерархических уровней системы. В контексте промышленности — это дисбаланс между целями микро- (промышленные предприятия) и макро- (промышленности в целом) уровней: получением прибыли и реализацией национальных экономических интересов соответственно.

В свою очередь, дисбалансы могут возникать и между основными целевыми свойствами систем (их базовыми характеристиками), то есть между: целями и функциями; целями и структурой; целями, структурой и функциями; структурой и функциями.

Целевые дисбалансы тесно связаны с дисбалансами интересов. Это объясняется, во-первых, субъектной составляющей промышленности как системы: за конкретными целями и управленческими решениями всегда стоят конкретные лица, субъекты хозяйствования, которые имеют разные, иногда антагонистические интересы. Во-вторых, иерархичность структуры предусматривает выстраивание горизонтальных и вертикальных отношений между участниками национальной промышленной системы, что может приводить к дисбалансам между вертикальной (отраслевой, секторальной) и горизонтальной (межотраслевой, инновационной) составляющими промышленной политики [2].

Если рассматривать систему как совокупность подсистем, то функциональные дисбалансы в развитии промышленности можно идентифицировать с позиций ее функционального структурирования: производственный дисбаланс (нарушение порядка технологических процессов, пропорций между производ-

ством средств производства и средств потребления); воспроизводственный дисбаланс (между сбережениями и инвестициями, внутренними и внешними (иностранскими) инвестициями); распределительный (между потреблением и накоплением в промышленности, между ее инновационной и социальной подсистемами); регуляторный дисбаланс (между рыночными рычагами регулирования, государственным администрированием и самоорганизацией промышленности).

Исходя из положений эволюционной теории Р. Р. Нельсона, С. Дж. Уинтера [6] функциональные дисбалансы в производственной системе (например, промышленности) можно рассматривать с позиций несбалансированности различных классов функциональных рутин или таких, которые имеют признаки или отношение к функциональности такой системы:

— дисбаланс между функциональными характеристиками, управляющими краткосрочным поведением системы по заданным факторам производства (первым классом рутин) и множеством рутин, формирующими стратегию и необходимые объемы основного капитала — по сути формирование процесса принятия инвестиционных решений, которое зависит от соотношения объемов инвестиций по проекту и результатов текущей хозяйственной деятельности (вторым классом рутин);

— дисбаланс между первым классом рутин и рутинными, имеющими способность модифицировать функциональные характеристики промышленности, вплоть до полной диверсификации (третьим классом рутин);

— дисбаланс между вторым и третьим классом рутин.

4. Дисбаланс между системой и внешней средой.

Дисбаланс между системой и внешней средой (метасистемой) можно идентифицировать как глобальные дисбалансы, в которые включены макроэкономические системы разных уровней, в т. ч. мировая промышленная система. Глобальные дисбалансы — одна из самых сложных макроэкономических проблем, с которой сталкиваются политики и экономисты. Она отражает действие множества глобальных факторов, и не только экономического характера: от сбережений и инвестиций, экологических, демографических проблем, непредсказуемых последствий демократизации информации («цифровых пожаров») до формирования новых портфелей решений во многих странах мира.

Относительно типологии глобальных дисбалансов. В официальных международных источниках (не только публикациях, но и солидных аналитико-статистических изданиях, например, «World Economic Outlook») приводятся данные по состоянию валютного рынка, сальдо счетов текущих операций, платежных балансов и т. д. При этом четких дефиниций глобальных дисбалансов нет. Глобальные дисбалансы можно классифицировать по укрупненным группам: дисбаланс между мировыми спросом и предложением, финансовые дисбалансы, бюджетные, валютные, но все они подчинены дисбалансу спроса-предложения. Дисбаланс мирового спроса и предложения связан, в первую очередь, с несбалансированностью спроса и вторичными эффектами перебалансирования в мировой экономике как следствием первого и соответствующими мерами политики со стороны отдельных государств.

Вторичные эффекты перебалансирования определяются в результате оценки роли определенных стран в процессе перебалансирования. Определяющую роль на современном этапе мирового экономического развития играют страны с формирующимся рынком и развивающиеся: на долю таких стран приходится около половины мирового производства и 2/3 мирового роста по паритету покупательной способности, значительную долю составляют Китай и Индия. На серьезнейшие глобальные финансовые дисбалансы 2000-х гг. указывает и главный научный сотрудник Института экономики РАН профессор, д. э. н. Б. А. Хейфец: первый — углубление пропасти между финансовой и реальной экономикой, чрезмерный рост различных видов финансовых активов; второй — несоответствие баланса сил в мировой экономике и роли новых экономических лидеров в регулировании процессов глобализации¹ [12].

¹ По оценкам экспертов McKinsey Global Institute, финансовая глубина (financial depth) глобальной экономики (соотношение традиционных финансовых активов и мирового ВВП) увеличилась с 261 % в 1990 г. до 356 % в 2010 г. С учетом оборота торговли деривативами влияние финансового компонента на современное мировое развитие будет еще более впечатляющим: эта торговля более чем в 11 раз превышает мировой ВВП. Многие прогнозы говорят о том, что к 2025 г. Китай может опередить США по объему ВВП. Чрезвычайно оптимистический, хотя и небесспорный, прогноз относительно перспектив китайской экономики сделал нобелевский лауреат по экономике (1993 г.) Роберт Фогель. Он считает, что к 2040 г. ВВП Китая достигнет 123 трлн долл., то есть будет почти в 3 раза больше всего мирового ВВП в 2000 г., доход на душу населения составит 85 тыс. долл., а доля Китая в мировом ВВП достигнет 40 %, в

Проблема глобальных дисбалансов значительно шире и выходит за рамки валютно-финансовых операций между отдельными странами. Определение «вклада» каждой отдельной страны как в глобальные дисбалансы, так и в их преодоление — задача мониторинга на ближайшую перспективу государств — членов «Группы двадцати». В настоящее время оценивается степень влияния глобальных дисбалансов на прогнозируемые показатели внешнеэкономической деятельности экспертными методами.

Дисбаланс между системой и внешней средой можно также идентифицировать как дисбаланс между развитием макросистемы и экосистемы (мегасистемы). Другими словами, это — несбалансированность в цепи «макросистема — гражданское общество — экосистема».

Проблема разрешения дисбалансов в рамках экономических теорий

Сбалансированность в классической теории международной торговли (теория абсолютных преимуществ А. Смита, теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо, теория Хекшера — Олина и др.) определяется через торговый баланс, выравнивание факторных цен, баланс ресурсов и факторов производства. Примечательно, что в Докладе о торговле и развитии Конференции ООН по торговле и развитию (2004 г.) отмечается, что положенное в основу этой теории допущение о практически полном равенстве стартовых условий, ведущих к конвергенции и общности торговых интересов стран, поддержании идей симметрии, не согласовывается ни с литературой по экономическому развитию того времени, ни с практикой. Сущность симметрии в теории международной торговли сведена к торговым отношениям центральных и периферийных стран, не совпадая с определением симметрии в общей теории систем как свойства системы сохранять признаки как до, так и после изменений, происходящих в ней.

В процессе устранения внешних дисбалансов, сопровождающих экономическое развитие, или обеспечения быстрого роста производительности труда и сближения уровней доходов (по сути — конвергенции), как это было сделано индустриализирующимися странами позднее, в конце IX — начале XX в., нельзя опереться на последовательное применение мер либерализации на основе универсальных правил и принципов торговли. Но в совокупности

то время как доля США уменьшится до 14 %, а ЕС — до 5 %.

со структуралистской моделью развития допускается включение элемента асимметричной интеграции для более бедных стран в мировую экономику, в построенную на четких правилах систему, поддерживающую стратегию роста для таких стран с опорой на промышленность. Таким образом, проблема разрешения дисбалансов экономического развития комплексно не решается в рамках классической теории международной торговли.

Следует отметить, что неоклассическую парадигму экономического развития сменила «парадигма асимметрии информации». Некоторые исследователи связывают этот факт с формированием новой микроэкономики, основанной на несовершенстве информации, которая вносит свой вклад в несбалансированность экономического развития и гораздо шире и нового институционализма, и исследований в области асимметрии информации. К примеру, получившая в последнее время бурное развитие и вошедшая в мейнстрим поведенческая экономика, о чем говорит факт присуждения Нобелевской премии Д. Канеману.

Активно развивается и новая институционально-эволюционная теория, в рамках которой рассматривается проблема создания передаточного механизма экономической политики. Обращает на себя внимание институциональная концепция экономической дисфункции О. С. Сухарева, в которой рассматривается явление «размягчения институтов», происходящее в России и наблюдавшееся в экономиках наиболее развитых промышленных стран Запада [9]. В последнем случае — это микродисфункции, или, иначе, институциональные ловушки. Для российской экономики, по мнению О. С. Сухарева, — это уникальное сочетание большого числа подобных ловушек, которые создают совершенно новый тип кризиса рыночного хозяйства — макродисфункцию (т. е. в основе макроэкономического кризиса лежит — по нашей классификации — функциональный дисбаланс).

В последнее время неоклассика все больше обращается к институциональной теории. Особый интерес представляет французская разновидность институционализма, французский регуляционизм. Наряду с работами французских авторов Л. Тевено, О. Фаворо, Ф. Эмар-Дюверне следует отметить научные работы А. Олейника, Р. Кумахова, И. Розмаинского, К. Холодилина, которые рассматривают французский институционализм сквозь призму анализа школы конвенций. Теория регуляции и школа конвенций — это два самостоятель-

ных научных направления. Во французском регуляционизме, отличном от конвенционализма, основное внимание уделяется теории доминирующей экономики Ф. Перру и социологической концепции экономической науки Ж. Маршала и А. Маршала (В. Я. Гугняк, переводные работы Р. Буайе, М. Аглиетта и А. Орлеана, Ж. Сапира) [7].

Экономический мир Перру покоится на неравенстве, вызывающем деформацию экономического пространства. Такая деформация (асимметрия экономического развития) в теории доминирующей экономики Перру больше связана с понятиями «размер предприятия (отрасли)», «концентрация», «полюсы роста», с различной информированностью партнеров (асимметрией информации), нежели с дисбалансами. Поляризация экономического пространства за счет «отраслей-моторов» и «эффекта увлечения» влияет, безусловно, на модификацию структуры экономики, но не способствует ее сбалансированности. В дефиниции макроединицы Перру как совокупности, системно организованного целого прослеживается связь с синергетической теорией: конкуренция между элементами макроединицы из неорганизованной видоизменяется в «коллективную» (в синергетике употребляется термин «когерентное взаимодействие»). Выводы теории доминирующей экономики Перру коррелируют с новой парадигмой общей теории систем в части самореферентности: политика роста, осуществляемая как структурная политика, направлена не на приспособление к существующим структурам, а на активное преобразование структур в направлении изменения среды. Вывод Перру об избирательности структурной политики вследствие неравномерности роста не противоречит проводимой в настоящее время политике международных координирующих органов по сбалансированию мирового экономического развития, так как структурные условия для предоставления кредитов МВФ, к примеру, разрабатываются для каждой отдельной страны.

Проблема разрешения дисбалансов в рамках теории доминирующей экономики не решается, да и не может быть решена, так как делается вывод о неосуществимости политики сбалансированного роста. В качестве принципов политики, имеющих отношение к сбалансированности, отмечаются уменьшение диспропорций между сферами экономики и гуманизация последовательных состояний равновесия, важнейшей задачи экономической политики государства — создание «полюсов

роста» и сознательное управление средой пространства их эффектов.

Отличительная особенность французской школы регуляции в современном институционализме — макроэкономический подход к анализу институтов с акцентом на их историческую обусловленность с принципом институциональной комплементарности, позволяющий рассматривать национальные модели как особые комбинации комплементарных институтов, как необходимость обеспечения взаимодополняемости и согласованности (можно рассматривать как сбалансированность) основных составляющих институциональной системы. Изначальная позиция школы: регуляция — это совокупность механизмов, обеспечивающих сбалансированное развитие общества на протяжении достаточно длительного времени. Взаимозависимость между средствами регулирования и разными уровнями координации определяется институтами, конвенциями и типами организаций, что обуславливает специфичность взглядов с позиций теории регулирования (описательный (дескриптивный) и функциональный подходы) на проблему их генезиса, обеспечивает согласование, сбалансированность микро- и макропространств. Понятие «регуляция» подразумевает использование адаптационных свойств и структурной составляющей макроэкономических систем. Проблема кризисов с позиций теории регуляции — это нормальное явление, в их основе лежат факторы не только исчерпания внутренних источников модели развития в результате эволюции ранее сложившихся институциональных форм, дестабилизации режима накопления внеэкономическими (политическими) причинами, краха политической коалиции, но и дисбаланса между накоплением и институциональной архитектурой, и, как следствие, потеря легитимности институциональной архитектуры.

В отличие от неоклассического, эволюционного, институционалистского и системного подходов, структуралистская методология предусматривает исследование макроэкономических проблем на основе анализа функционально-структурных взаимосвязей важнейших макроэкономических секторов и подсистем (работы первой половины XX века К. Леви-Стросса, М. Фуко, Т. Парсонса, Р. Мертона, и более поздние — В. Ойкена, В. Леонтьева, Э. Фелпса, Я. Корнаи). В экономической теории такой статический анализ получил значительное развитие в способах агрегирования различных экономических единиц, в разделе-

нии на макро- и микроэкономику, в определении современной развитой экономики как смешанной экономики и анализе конкретных ее параметров.

Современной динамической теорией эволюции больших, сверхсложных, открытых, термодинамично неравновесных, нелинейных динамических систем, развитием методологии системных исследований, общей теории систем является синергетика (основоположники — И. Пригожин (теория диссипативных систем), Г. Хакен (теория самоорганизации), М. Эйген (теория гиперциклов). От исследования структуры системных объектов как средства организации, которая обеспечивает их целостность, от изучения их функций, функционирования это научное направление поднялось на ступень выше: исследует, как строение и функционирование сложных и сверхсложных систем проявляются в их эволюционном развитии (динамике) и самоорганизации. Под самоорганизующейся системой, по Г. Хакену, понимается та, которая «без специфического влияния извне, приобретает какую-либо пространственную, временную или функциональную структуру. Под специфическим внешним влиянием мы понимаем то, что навязывает системе структуру или функционирование» [11, с. 29]. Под влиянием энергетического взаимодействия с внешней средой система переходит к неравновесному состоянию, ее элементы начинают действовать согласованно, то есть когерентно, возникают новые типы структур — диссипативные структуры. Именно когерентное взаимодействие элементов системы и является тем феноменом, который характеризует процессы самоорганизации, в т. ч. и в социально-экономических системах (особенно это касается периодов общественных трансформаций, потрясений, конфликтов).

Междисциплинарность выступает естественным ответом экономической науки на рост разнообразия макроэкономических (социальных) систем, повышение их сложности, обострение глобальных проблем человеческой цивилизации, неадекватности неоклассических постулатов и догм в решении некоторых важных вопросов преобразований экономики и общества, проблем экономической власти и свободы, бедности, экологии.

Подводя итоги, следует отметить, что отсутствие однозначных дефиниций, определения закономерностей возникновения и системных причин распространения макроэкономических дисбалансов может быть серьезным препятствием в эффективности регулирования разви-

тия макроэкономических систем (промышленности). Латентные дисбалансы каскадом могут распространиться на все уровни метасистемы, что может стать причиной глобальной системной разбалансированности.

Закономерность самоорганизации междисциплинарного синергетического подхода к исследованию систем связана с очень важными характеристиками экономических систем — негэнтропийностью и адаптивностью. Именно эти свойства являются основополагающими для эффективного развития таких систем, противостояния их распаду и коррекции дисбалансов развития. Для возникновения самоорганизации необходимы определенные условия: система должна быть не только открытой, характеризоваться динамичностью переходов из неравновесных в равновесные состояния, что предполагает изменение макроскопических параметров системы — структуры, состава, поведения, но и иметь разветвленность структур с наличием вертикальных и горизонтальных гибких связей. Именно такой характер носит предложенная в определенных странах промышленная политика нового типа.

Положительная обратная связь как основная движущая сила возникновения нового порядка или структуры с синергетических позиций имеет значительное воздействие на негэнтропийность системы управления макроэкономическими системами и на качество ее адапционных свойств в процессах взаимодействия с внешней средой, в частности в процессах демпфирования соответствующих дисбалансов. Для этого необходимы: функциональная адаптация с сохранением существенных свойств системы управления, структурная адаптация с повышением качества управления развитием с приданием новых свойств системе управления, выполнение закона Эшби, которое предполагает:

1) обеспечение необходимого разнообразия управляющей подсистемы общественных систем (законы, политические организации, право и судопроизводство, традиции, обычаи), которое должно быть больше или соответствовать изменению элементов управляемой системы: форм и границ предпринимательства, процессов потребления, обмена, распределения, сбережения, механизмов ценообразования, торговли на внешних и внутренних рынках, инфляции, инвестирования промышленности;

2) формирование межэлементных связей, повышающих устойчивость макроэкономических систем, в случае отсутствия совместимости

связей между элементами своевременное проведение диверсификации, например отраслевой диверсификации в промышленности. Если стратегические интересы государства состоят в сохранении национального промышленного потенциала, то при этом необходимо обеспечить баланс между отраслями (секторами), представляющими стратегические перспективы страны на глобальном рынке, и критическими по показателям национально-экономической безопасности. Решать такую задачу лучше путем формирования правил и процесса государственно-частного партнерства, так как частные предприятия и коммерческие организации не в состоянии решить проблему адаптации уже сформированных внутренних технологий к потребностям внешнего рынка вследствие асимметрии информации и координации.

Наряду с бурным развитием коммуникационных технологий, отсутствием общесистемных целей и недостаточной скоординированностью работы подсистем следует учитывать новую парадигму общей теории систем в процессе управления развитием макроэкономических систем, которая накладывает определенные условия на этот процесс. Например, управление операционально замкнутой системой сводится к поддержке конкретных собственных поведений системы. В целях устранения лага времени между реакцией системы управления и развитием различных институтов, фатально влияющего на скорость и качество реагирования, необходим поиск новых интеллектуальных методов, принципов и функций управления, механизмов формирования норм, законов, цен и структур власти с элементом эффективной и гибкой коррекции в ходе самоорганизации общественного процесса.

Независимо от типа системных дисбалансов в развитии макроэкономических систем в основе их лежат противоречия, выступающие, с одной стороны, источником развития, с другой — поводом для разработки экономической политики, позволяющей разрешить такие противоречия. Идентификация, типология системных дисбалансов на основе общей теории систем и методы измерения и оценки могут найти практическое применение в организации аналитического сопровождения процесса управления развитием макроэкономических систем различных уровней: промышленности, комплекса отраслей, межотраслевых горизонтальных объединений, национальной экономики. Это может быть основой для разработки мер регулирования макроэкономиче-

ского развития в направлении достижения его большей сбалансированности при условии минимизации дисбалансов и сохранении целевых свойств макроэкономических систем.

Список источников

1. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах : пер. с англ. под ред. И. А. Ушакова. — М.: Советское радио, 1974. — 272 с.
2. Амоша А. И., Вишневецкий В. П., Збаразская Л. А. Неоиндустриализация и новая промышленная политика Украины // Экономика промышленности. — 2012. — № 1-2 (57-58). — С. 3-33.
3. Берталанфи Л. Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. — М.: Наука, 1969. — С. 30-54.
4. Бородушко Е. Дисбалансы экономических систем как угроза экономической безопасности государства: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. — СПб., 2012. — 21 с.
5. Всемирный экономический форум. Отчет о глобальных рисках в 2013 году [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_NR_GlobalRisks_Report_Global_2013_RU.pdf (дата обращения: 14.01.2013).
6. Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений : пер. с англ. — М.: Дело, 2002. — 536 с.
7. Одинцова А. В. Французский регуляционизм как направление современной экономической мысли: дисс. ... д-ра экон. наук. — М.: 2010. — 321 с.
8. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ влияния дисбалансов в мировой экономике на прогнозирование социально-экономического развития Российской Федерации». Счетная палата Российской Федерации, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ach.gov.ru/userfiles> (дата обращения: 23.12.2013).
9. Сухарев О. С. Институциональная теория и экономическая политика: К новой теории передаточного механизма в макроэкономике. Кн. 1. Институциональная теория. Методологический эскиз. — Изд. 2-е, испр. — М.: Экономика, 2007. — 516 с.
10. Уёмов А. Системный подход и общая теория систем. — М.: Мысль, 1978. — 272 с.
11. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам: пер. с англ. / Предисл. Ю. Л. Климонтовича. — Изд. 2-е, доп. — М.: КомКнига, 2005. — 248 с.
12. Хейфец Б. Глобальные дисбалансы и реформа мировой валютно-финансовой системы // Деньги и кредит. — 2012. — №7. — С. 48-56.
13. Хиценко В. Новая базовая модель общей теории систем. 2012. [Электронный ресурс]. URL: www.sinor.ru/~nsu/conference/hicenko.rtf (дата обращения: 10.12.2013).
14. Щетилова Т. Розвиток теоретико-методологічних підходів до дослідження макроекономічних систем // Механізми підвищення ефективності управління функціонуванням економіки: зб. наук. праць. — Донецьк: ДонДУУ, 2007. — С. 252-266. (Економіка). Т. VIII. — Вип. 91.
15. Экономическая кибернетика / Под ред. Сыроежина И. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. — Ч. 1: Основы теории хозяйственных систем. 128 с.
16. Alert Mechanism Report/*COM/2012/068final*/ [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/economic_governance/ (time accesse: 23.01.2014).
17. Blanchard O., Milesi-Ferretti G. Global Imbalances: In Midstream? // Prepared SPN/09/29. IMF. — 2009. — December 22. — 31 p.
18. Caballero R., Farhi E., Gourinchas P. — O. Financial Crash, Commodity Prices, and Global Imbalances // Brooking Papers on Economic Activity. — Fall 2008b. — P. 1-55.
19. Drysdale P. Fixing global economic imbalances. 2011. [Electronic resource]. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2011/02/21/fixing-global-economic-imbalances/> (time accesse: 23.11.2013).
20. Gerard R. W., Kluckhohn C., Rapoport A. Biological and Cultural Evolution Some Analogies and Explorations // Behavioral Science. — 1956. — Vol. 1. — Iss.1. — P. 6-34.
21. G20 agrees guidelines to measure economic imbalances. BBC News. 15 April 2011. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/business-13098537> (time accesse: 13.11.2013).
22. Macroeconomic Imbalance Procedure. 2011. [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/economic_governance/ (time accesse: 13.11.2013).
23. Mendoza E. G., Quadrini V., Rios-Rull J.-V. Financial Integration, Financial Development, and Global Imbalances // Journal of Political Economy. — 2009. — Vol. 117. — No 3. — P. 371-416.

УДК 339.972

Ключевые слова: типология системных дисбалансов, макроэкономические системы, макроэкономическое развитие, общая теория систем, синергетика, методы и показатели оценки, функциональная и структурная адаптация